

Christophe Guilluy**Le crépuscule de la France d'en haut**

Paris: Flammarion, 2016

Кристоф Гийюи — географ и эксперт по рынку недвижимости. С 2010 года Гийюи опубликовал три книги, в которых попытался описать социальный конфликт во Франции, лежащий в основе нынешнего противостояния политического истеблишмента и “простого народа”. Конфликт, который Маркс и Энгельс когда-то назвали “классовой борьбой” рабочего класса (труда) с буржуазией (капиталом), был если не окончательно разрешен, то очень сильно смягчен: на протяжении длительного времени экономическое развитие (рост совокупного богатства) и организованная активность рабочего класса привели к возникновению “общества средних слоев” (*affluent society* Дж.К.Гэлбрейта) на основе социал-демократического и кейнсианского консенсуса. Но теперь как будто идет обратный процесс: неравенство вновь нарастает и вновь обостряется “классовая борьба”. Кристоф Гийюи хочет показать, что участники этой борьбы — просто другие классы, возникающие на месте размываемых средних слоев. Кто же эти классы и как они борются друг с другом?

Новый “верхний” класс — «высшие кадры» (*cadres supérieurs*) в терминах французской статистики — это те, кто занят в сфере бизнеса, СМИ, в производстве культуры и знаний, а также в сфере государственного управления. Они называют себя “профессионалами” или “креативным классом”. Гийюи использует термин “новая буржуазия”, а также слово “бобосы” — прозвище, придуманное в начале века влиятельным нью-йоркским журналистом Дэвидом Бруксом как аббревиатура выражения “буржуа-богема”. Гийюи описывает их как ряженых под хипстеров “Ругон-Маккаров” — вульгарных нуворишей времен Второй империи, изображенных в одноименной серии романов Эмиля Золя.

Этот класс очень сплочен. Гийюи обозначает отношения внутри описываемой группы словом “l’entre-soi” — чему, пожалуй, соответствуют русские слова “междусобойчик”, “тусовка”. Попавшие в этот класс сохраняют свое положение благодаря устойчивой системе патрон-клиентских отношений, кооптации и родственными связям. Важное условие само-

воспроизводства этой системы — взаимное одобрение в СМИ и в сфере культуры (Р. 65). Гийюи уделяет главное внимание унаследованным привилегиям (Р. 50–57), ссылаясь на раннюю работу Пьера Бурдьё. Половину студентов, обучающихся на подготовительных курсах высших учебных заведений с самым большим конкурсом (*les Grandes écoles*), составляют дети тех, кто занимает руководящие должности в сфере науки и других видах интеллектуальной деятельности, тогда как в населении Франции на эту категорию приходится только 15% (Р. 55).

Тесная сплоченность нового высшего класса приводит к тому, что он оказывается даже более “закрытым”, чем старая буржуазия. Вертикальная мобильность, которая в течение длительного периода продолжала расти, вновь стала падать. Если в 1960 году для того, чтобы перейти из средних классов (*“classes moyennes”* в терминологии французской статистики) в состоятельные (*categories aisées*), нужно было 12 лет, то теперь на это уходит 35 (Р. 129).

Новый верхний класс господствует в политической сфере. В 1946 году рабочие и наемные работники составляли 20% депутатов Национальной Ассамблеи (парламента), а в 2012-м их доля сократилась до 2%. Из тех, кого зрители видят на экране телевизора, 57% — это “высшие кадры” и всего 2% — рабочие (Р. 64). Конечно, не следует забывать, что традиционный рабочий класс на сегодняшний день практически исчез, но новый нижний класс (если считать его эквивалентом рабочего класса, хотя его члены сами себя так не называют) не заменил его ни в представительных органах, ни в публичной сфере.

Новый «нижний» класс» ожидаемым образом имеет более низкие доходы, живет в менее комфортабельных условиях и хуже оснащен технологически. Но еще важнее то, что он оттеснен в сферу временной и неполной занятости и хуже застрахован от превратностей экономической конъюнктуры. Его социальные позиции ненадежны и уязвимы. “Социальная уязвимость” с недавних пор стала расхожим понятием в критическом общественном дискурсе. Для представителей низшего класса уязвимость — основной источник тревоги и

недовольства, даже в большей степени, чем их относительная бедность.

Кристоф Гийюи не пытается свести новое неравенство к производственным отношениям. В его схеме неравенство возникает не на фабричном дворе, а на рынке рабочей силы (труда) и “на улице”, или в “селитьбе”, как это называют специалисты по городской (районной) планировке. Новые верхние слои сконцентрированы в больших метрополиях, а новые бедные — на периферии, в провинции, в малых и средних городах. Это происходит оттого, что частный жилищный фонд недоступен для выходцев с периферии из-за дороговизны, а доступное социальное жилье все больше переходит в руки этнических меньшинств (“иностранцев”-иммигрантов), вербующих в третьем мире для обслуживания нового верхнего класса, то есть для исполнения роли, так сказать, его “коллективной прислуги”. Этот процесс и явление Гийюи называет “метрополизацией” (*métropolisation*).

Неравенство, таким образом, получает территориальное измерение и оборачивается, в сущности, сегрегацией (Р. 100–116). Метрополия закрыта для тех, кто оказался на периферии, так же как верхний слой закрыт для нижнего. Гийюи знает, конечно, что тенденция отдельного проживания бедных и богатых существовала всегда, но он настаивает, что конфигурация и смысл этой сегрегации стали иными. Впервые в истории нижние классы не живут там, где создаются рабочие места и богатство (Р. 45), и обречены оставаться “на периферии”, не имея возможности переместиться в метрополию. Сегодня сегрегация уже не следствие расслоения, а его причина. И более того — не эпифеномен неравенства, а само неравенство. Новый верхний класс отгородился в метрополии как в “средневековой цитадели”, а нижний класс остался на периферии — в малых и средних городах. СМИ распространяют миф о растущей горизонтальной мобильности, иногда даже называя нынешнее общество “кочевым”, но на самом деле удел большинства, напротив, “оседлость”. Этой “оседлости”, “прикованности” к месту посвящена целая глава в книге (Р. 227–244); но это и ее сквозная тема. Новые классы можно различать по этому критерию:

класс “столичников”, живущих внутри метрополии, и, так сказать, класс “обочников”, живущих на обочине, или на периферии.

Как уже было сказано, они противостоят друг другу не на фабричном дворе. Эта новая классовая борьба разворачивается непосредственно в политической сфере в виде идеологической полемики. Самая оживленная полемика теперь идет вокруг иммиграции и концепции “мультикультурализма”.

Новые классы очень по-разному относятся к “инородцам”. 54% “высших кадров” не считают, что в стране слишком много “приезжих”. С ними согласны 38% профессионалов среднего уровня, 27% рабочих и 23% младшего конторского персонала (Р. 75). Так же выглядят различия в отношении к глобализации: 62% высших кадров считает, что глобализация сулит обществу (или им самим?) новые возможности. Но так думают только 24% рабочих и 36% рядовых служащих (Р. 29).

Новый верхний слой настаивает на преимуществах того, что он сам называет “открытым” обществом, и твердит о достоинствах культурного разнообразия — мультикультурализма. Будучи культурным гегемоном позднемодерного общества и господствуя в мейнстримных СМИ, эта группа объявила, что данная социальная философия обладает моральной безупречностью и не может быть поставлена под сомнение.

Недовольные популисты насмешливо называют это “политкорректностью” и полемизируют с ней так, будто она в самом деле осуществляется на практике. Гийюи не присоединяется к этой популистской критике, показывая, что сама эта установка лицемерна. Например, представители культурных меньшинств составляют только 1% парламентариев; в региональных советах их всего 5%; а в советах департаментов не больше 14%. Соседство бедных иммигрантов с высшими классами якобы указывает на культурное перемешивание, но это лишь фасад, за которым скрыта сегрегация — просто иной природы. Неимущих “инородцев” на периферии немного, и их не становится больше. Они селятся по большей части в крупных городах (больше 100 тыс. жителей), где составляют уже 35% молодежи (Р. 66–67). Новый верхний

класс как будто с ними перемешан — но, как иронически замечает Гийюи, он живет “близко к иммигрантам, но не слишком близко”. Кроме того, возникают “невидимые границы”, продолжает Гийюи, хотя не уточняет, что это реально значит (Р. 67).

Разное отношение двух классов к иммиграции легко объяснимо. Чем ниже квалификация работника, тем он чувствительнее к присутствию “дешевых инородцев” на рынке рабочей силы. Более парадоксально выглядит разница между “метрополией” и “провинцией” в их отношении к государственному социальному обеспечению. “Класс “обочников” готов (в частности, 55% рабочих и 62% офисных служащих) поддержать сокращение роли государства и его расходов, рекомендуемое правоцентристскими партиями неолиберальной ориентации. Высшие кадры даже слегка менее враждебно настроены по отношению к государственной поддержке (53% из их числа высказываются против). Это кажется неожиданным и парадоксальным, коль скоро их собственная неолиберальная установка требует сокращения роли государства. Но это тоже объяснимо: “обочники” убеждены (и это убеждение не лишено оснований), что социальная защита как ресурс захвачена теперь “приезжими” (Р. 125), а расходы государства на образование дают преимущество только тем, у кого оно уже есть, то есть “столичникам”. Неолиберализм новой буржуазии, наоборот, не мешает ей выступать в поддержку госрасходов на социальное жилье: представители этой социальной группы в результате выигрывают, поскольку из бюджета таким образом частично оплачивается их новая “коллективная прислуга” (Р. 45–48). То же относится и к государственным расходам на образование.

Часто псевдоэгалитаристская риторика истеблишмента объясняется тем, что таким способом он надеется обеспечить себе голоса этнических меньшинств на выборах. Но под этим очевидным объяснением скрываются более глубинные причины. На самом деле концепция “открытого” мультикультурного общества — это не просто предвыборная “взятка” растущему сегменту электората, а часть общей стратегии глобализации, которую новый верхний слой выбрал, поскольку она ему выгодна.

Партии власти, как левоцентристского, так и правоцентристского толка, готовы сообщать продвигать глобализацию на основе радикального неолиберализма (Р. 43–44). Истеблишмент выступает за свободную торговлю и свободное движение финансового капитала и с готовностью принимает любые последствия подобной политики — в частности, он готов пойти на частичный отказ от государственного суверенитета (Р. 88). “Неумолимый бульдозер глобализации”, как выражается Гийюи, превращает теперь и Францию в “общество неравенства и мультикультурности” (Р. 88). Он называет такое общество “американским”, полагая, что именно таким было американское общество изначально. Типично французский взгляд, и многим он покажется малопонятным и произвольным, но тем не менее для него есть серьезные основания. Американское общество во многих отношениях прообраз глобального уже просто в силу своего происхождения.

Метрополии, где живет и работает новый верхний класс вместе со своей новой “коллективной прислугой”, включены (или постепенно включаются) в глобальную экономику, постепенно вытесняя свои национальные периферии из “сферы процветания”. Идеологизированный, окопавшийся в своих “цитаделях” доминирующий класс обнаруживает тенденцию к своеобразному сепаратизму. Именно так Гийюи объясняет растущую популярность концепции геополитической (даже международно-правовой) эмансипации метрополий, их независимости от периферии, которая в результате оказывается предоставлена самой себе. Именно в пользу этого проекта недавно выступили совместно мэры Парижа и Лондона Анна Идальго и Садик Хан (Р. 246).

Периферия, хотя и с некоторым запозданием, почувствовала, какую угрозу представляет для нее космополитизм нового верхнего слоя. Протестно-популистские партии становятся важными участниками политической жизни. Традиционные партии власти теряют влияние, и истеблишменту приходится думать, как дальше осуществлять свою стратегию и преодолевать сопротивление “народа”.

Чтобы сохранить контроль над обществом, партии власти инстинктивно сближаются, ме-

няя конфигурацию политического поля. Эта тенденция была заметна и раньше, но поначалу отражала сближение социальных философий разных классов на основе рационального консенсуса — макроэкономического (установка на поддержание экономического роста и полную занятость) и социально-страховочного (в котором важнейшим приоритетом является национальная система здравоохранения и пенсионное обеспечение). Но после того как стало очевидно, что электорат выходит из-под контроля партий власти, эта тенденция резко усилилась. Более того, нарастает опасение, что этого консенсуса может оказаться недостаточно для сохранения собственных позиций, от чего ставится под сомнение главная святыня демократии — всеобщее избирательное право. Предлагается сузить поле демократии под предлогом того, что народ часто не понимает проблем, которые в условиях демократии ему предлагают решать. Кандидат в президенты Франсуа Фийон открыто предложил дать молодым гражданам по два голоса (Р. 248). В Швейцарии социалистка Жаклин Фер предложила то же самое для когорты 18–40 лет. Предлагается более дифференцированная схема: коэффициенты от 3 до 0,5 для разных категорий избирателей (Р. 249). Кристоф Гийюи шокирован и называет подобные предложения “мягким тоталитаризмом” (Р. 247).

Протест нового нижнего слоя изображается как патологическая аномалия или правопопулистская демагогия, заведомо антиконституционная, то есть враждебная демократии и правам человека. Правящий класс пытается изолировать и стигматизировать “суверенистов”, защищающих государственный суверенитет от “глобализаторов”, и называет их расистами (Р. 128) и фашистами (Р. 88). Кристоф Гийюи призывает читателя (Р. 171–179) обратить особое внимание на это явление, поскольку, как он говорит, истеблишмент превращает рутинный антифашизм в орудие классовой борьбы (Р. 173). С помощью этих оскорбительных, заведомо компрометирующих ярлыков истеблишмент надеется утвердить свое моральное превосходство и таким образом укрепить легитимность своего господствующего положения.

Ту же цель преследует рутинное разобла-

чение “капитала”. Истеблишмент возмущается пресловутым “одним процентом”, который владеет — половиной? тремя четвертями? девятью десятыми? — мирового богатства, критикует “финансализацию” мировой экономики, разоблачает Уолл-стрит (Р. 137). Прикидываясь “средним классом” (Р. 133), он приглашает “обочников”, которых официальная статистика тоже относит к среднему классу, бороться вместе с ним за справедливость — против неравенства во всем мире. Но для периферии (“обочников”) глобальный сверхсостоятельный олигархат — абстракция. Новый нижний класс недоволен тем неравенством, которое возникло и нарастает между ним и классом “столичников” (Р. 136–137).

Книга Кристофа Гийюи — продукт раздвоенного сознания. Он определенно сочувствует тем, кто голосует за “Национальный фронт”, но не самому “Национальному фронту”. Поэтому его анализ новой классовой структуры (социальной стратификации) адресован все-таки истеблишменту. Ему автор советует позаботиться об удовлетворении социальных ожиданий тех, кто остается внизу, чтобы предотвратить дестабилизацию общества и новое социальное расслоение, возникшее в ходе неумолимой глобализации.

Судя по всему, Гийюи не считает, что те, кто сегодня оказался во главе популистских движений, способны справиться с этой проблемой, если им удастся прийти к власти. Если его позиция действительно такова, то она свидетельствует о трезвом взгляде на вещи. Популизм, пришедший к власти, если не отступает от своих обещаний и требований, то быстро превращается в репрессивный режим и во всяком случае приводит к «замороженному хаосу» — будь то антикоммунистический популизм, как в Веймарской Германии или в перестроечной России (Украине, Польше), прокоммунистический популизм, как в Венесуэле, или квазианархический, как в Аргентине. Сейчас, с этой точки зрения, интересно, чем обернется президентство Трампа.

Однако крайне сомнительно и то, способен ли нынешний истеблишмент предотвратить дестабилизацию общества. Как будто на его стороне опыт и квалификация, но при этом именно он сам и дестабилизирует обще-

ство, и логично предположить, что никакая политическая сила в принципе не может решить ту проблему, которую сама создает.

Тогда возникает вопрос: а мыслима ли вообще такая политическая партия, которая сумеет уладить классовый конфликт в обществе? Пожалуй, нет. Социальный конфликт разрешается в ходе противостояния двух общественных сил, которые в равной степени способны оказаться у власти; еще лучше, если они управляют страной по очереди. Но если так, то возникает другой вопрос: насколько функциональна в этом плане нынешняя оппозиция “глобалистов” и “суверенистов”, если она будет сохраняться в течение длительного периода (что вовсе не обязательно — популистских движений, в особенности во Франции, было много, и все они довольно скоро выдыхались)? Пока такое противостояние не выглядит функциональным. Оно отчасти иллюзорно, отчасти чревато фактической однопартийностью московского образца. А будущее — в тумане. Нельзя утверждать, что нынешнее противостояние так и останется стерильным; программы обоих “лагерей” еще могут быть прагматически отредактированы. Но все же более вероятно, что на месте двух нынешних партий появятся другие, с труднопредсказуемым полемическим дискурсом.

Еще более вероятно, как кажется, глубокая метаморфоза всей политической жизни вообще. Политическая сфера современного национал-государства (“еврогосударства”) сложилась в ходе улаживания конфликта между классами индустриального капиталистического общества. Она совершенно не обязательно адекватна тому новому социальному (классовому) конфликту, который ярко изображен в книге Кристофа Гийюи (хотя автору не удалось его убедительно интерпретировать — скажем, в терминах политической экономики). А если это так, то следует ожидать не появления новой партии (двух партий) в системе, а возникновения новой политической системы. К примеру, какой-то новой формы демократии вместо нынешней партийно-представительной.

Александр Кустарев